

7. Мангус И. Ю. Стратегии овладения языком и развития приемов познавательной деятельности как реализации когнитивного подхода в учебнике русского языка как иностранного (на примере учебников в эстонской школе): автореф. дис. на соискание учен. степени докт. пед. наук: спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный)» / И. Ю. Мангус. – М., 2001. – 45 с.

8. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М.: Рус. яз., 1989. – 276 с.

9. Пассов Е. И. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация). Методич. пособие для русистов / Е. И. Пассов, Л. В. Кибирева, Э. Колларова. – СПб.: Златоуст, 2007. – 200 с.

10. Программа по русскому языку для студентов-иностранцев основных факультетов высших учебных заведений Украины III-IV уровней аккредитации / Н. И. Нагайцева, Т. А. Снегурова, С. Н. Чернявская [и др.]. – Х., 2004. – 59 с.

11. Тростинская О. Н. Программа по русскому языку для иностранных студентов-нефилологов: учеб.-метод. комплекс / О.Н. Тростинская, Т.Н. Алексеенко, Е.В. Копылова. – Х.: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. – 88 с.

12. Ушакова Н.І. Про сучасний стан розробки проблеми підручника з мови навчання для іноземних студентів (ВНЗ України) / Н.І.Ушакова // Проблеми сучасного підручника : зб. наук. праць / Ін-т педагогіки АПН України. – К.: Педагогічна думка, 2009. – Вип.9. – С. 541 – 549.

13. Bachman L. F. Modern Language testing at the turn of the century: assuring that what we count counts/ L.F. Bachman// Language Testing, 2000. – Vol.17/1. – P. 1–42.

14. Oxford R. L. Research on second language learning strategies // Annual Review of Applied Linguistics. – 1993. – № 13. – P. 175 – 187.

15. Rubin J. What the “Good Language Learner” Can Teach Us/ J. Rubin // TESOL Quarterly – 1975. – № 9. – P.41 – 45.

В.К. Харченко

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ВРАЧА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА МЕТАФОР: О МОНОГРАФИИ О.С. ЗУБКОВОЙ «МЕТАФОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЕМИОТИКЕ»

Рецензируя недавно вышедшую монографию О.С. Зубковой [Зубкова 2011а], отметим и подчеркнём, что её автору принадлежат ещё три написанные по проблематике профессиональной метафоры монографии, одна из которых вышла в зарубежном издательстве LAP – Lambert Academic Publishing GmbH & Co, то есть можно вести речь о многолетнем исследовании медицинского дискурса и, как следствие, о разработке нового направления научно-исследовательского поиска [Зубкова 2011б; Лебедева, Зубкова, 2006]. Язык медицины издавна интересует профессиональных лингвистов, свидетельством этому являются публикации последнего периода, как самые общие, панорамные [Богданов 2005], так и узко специфические, например: [Бурова, Лосева 2011: 17-20]. И тем не менее, сложилась едва ли не парадоксальная ситуация в рамках очерченной проблемы метафор в профессиональной речи. С одной стороны, при интенсивном развитии терминоведения в отечественной и зарубежной лингвистике языки профессионального общения парадоксально остаются закрытыми для основательного лингвоанализа, хотя

на непринуждённом, тонком и ярком общении как раз и держится высокий профессионализм специалиста в любой области. С другой стороны, теория метафоры по-прежнему зиждется на материале художественного дискурса, другие дискурсы явно отстают от мейнстрима лингвометафорической мысли, что создаёт асимметрию лингвистического поиска, на снятие которой как раз и направлено монографическое исследование О.С. Зубковой.

Автор широко трактует метафору, и в орбиту анализа попадают не только собственно метафоры («*plumber*» – водопроводчик, – уролог, «*albatross*» – хронически больной пациент, который, покидая медицинское учреждение, боится расстаться с лечащим врачом, «НЛО» – неподвижно лежащий пациент; чаще всего больной, находящийся в коме), но Вы рассматривали, исследовали также и метафорический эпитет («*le microbe adulte*» – взрослый микроб), и олицетворение как антропоморфную метафору (*другие отделы живота спокойно спали*), и каламбур (ситуация о враче, не желающем быть сантехником, «трубы» чистить), и перифразы («*rear admiral*» – тыловой адмирал, т.е. проктолог), и оноματοпею («*челюскинцы*» – пациенты отделения челюстно-лицевой хирургии), и гиперболу («*intervence infectionnique*» (инфекционная интервенция), и дисфемизм (*тётя опомнилась и вдруг решила, что тридцать лет назад неправильно себе мужа выбрала!*)). Отказываться от всего подобного материала было бы кощунственно, и в монографии речь идёт о понимании метафоры как собственно метафоры и как метафорического компонента в других тропах.

Интересно и ново, что лингвист рассматривает языковые механизмы практической деятельности специалиста-профессионала. Безусловной новизной отличается и лингвосемиологический вектор анализа профессиональной метафоры. Более того, новым, причём тоже выравнивающим асимметрию современного лингвистического поиска, является обращение также и главным образом к французскому языку при явном сейчас приоритете проекций на английский язык. Между тем именно Франции свойственно идеальное отношение к родному слову, судьбам французского языка, заботе о богатстве лексикона (вспоминается феномен прециозного стиля во Франции XVII века!), и всё это весьма поучительно на перспективу. Богатейшие языки: русский, французский, английский – в монографии О.С. Зубковой раскрывают свои богатства на уровне профессионального общения специалистов, и прежде всего общения медиков.

Авторское определение профессиональной метафоры, данное в начале работы, раскрывает контакт термина и лексемы из литературного (или бытового) дискурса, то есть само поле наблюдений и анализа образует пограничье между строгой терминологией и «разгуляй-полем» литературного / бытового языка. Разработку процедуры эксперимента можно признать образцовой. Во-первых, потому, что эксперимент по устной профессиональной метафоре проводился посредниками, не знающими целей эксперимента, а значит, не влияющими на ход эксперимента, «не искривляющими» парадигму результатов. Во-вторых, к оценке и русских, и английских, и французских профес-

сиональных метафор привлекались эксперты, и только если мнение экспертов совпадало, факт шёл в обработку исследователя. В-третьих, по отношению к трём языкам было взято примерно равное число и респондентов, и экспертов. Теперь перечислим и прокомментируем самое ценное в состоявшемся исследовании.

В работе доказано, что метафора усложняет систему внутренней организации профессионального дискурса, неся в себе множество изменчивых индивидуальных смыслов, более того, не столько даже «множество», сколько неограниченное поле дискурсивного преобразования, что отражается впоследствии и на богатстве, лексическом оснащении профессиональных языков в целом. Автор на обширном материале доказывает, что интегративное взаимодействие категорий, признаков и признаков признаков обеспечивает мощные пласты смысловой вариативности в триаде «человек – культура – профессиональная область», зарождающейся в естественном и объективирующаяся в искусственном семиозисе.

В своей монографии автор исследует, как профессиональная метафора («вербальная репрезентация прагматически переработанного профессионального знания») позволяет субъекту-в-процессе переструктурировать профессиональный континуум в зависимости от речевой и профессиональной ситуации. «Профессиональная метафора фиксирует результаты процессуальной обработки профессиональной информации». Эта идея является новым доказательством гносеологической неизбежности и незаменимости метафоры не только в языке вообще, но главное, в профессиональном языке, что неоднократно не столько доказывалось, сколько декларировалось. Проведена корреляция между уровнем профессионализма наблюдаемых информантов и степенью метафоризации их речи в профессиональном её преломлении.

Интересным авторским результатом является разработка номотетической методики (с. 167-195), что будет востребовано специалистами при изучении языка других отраслей знания. Исследование показало, что выявляемые с помощью номотетической методики закономерности столь же реальны, как и строго причинные, и знание их обогащает прогностические возможности исследователя. При использовании этой методики не маскируются индивидуально-личностные типологические особенности индивида. На основе разработанной О.С. Зубковой семиотической карты были выявлены этапы формирования профессиональной метафоры, носящие универсальный характер. Когнитивная модель метафоры трактуется как знак, соединяющий язык и когницию. О.С. Зубкова выделяет индивидуальную, культурную и профессиональную означающие практики, влияющие на означивание и формирование профессиональной метафоры.

Достоинством рецензируемой монографии можно считать представление самого материала исследования, и дело не только в точности и классификационной дробности квантитативов (сколько анкет, сколько документов исследовано и т.п.), а в том, что изучалась «живая речь», изучалась во Франции, при личном участии и личном опросе тех же медиков. Разумеется, мы не можем призывать потенциальных авторов монографий выезжать за границу и

там фиксировать речевую динамику, но вместе с тем нельзя не оценить высоко положительно сам материал, полученный Ольгой Станиславовной таким, «выездным» образом.

Известно, что любая всерьез проделанная работа характеризуется обогащением терминологического языка. В число новых понятий, обоснованных автором, войдут, например, такие, как «профессиональный семиотический континуум»; «семиотическая карта», «профессионаема», «профессиональный индекс». Существенная часть книги посвящена авторскому выстраиванию цепочки процесса зарождения и закрепления профессиональной метафоры: инвариант → отражение инварианта в семиотическом континууме через призму профессионаемы → оформление образа метафоры, оформление и уточнение смысловых вариантов, категоризация по эталону → отражение инварианта в языковом континууме → прогностический синтез, лексико-грамматическое оформление → лексема (метафора) (с. 278 и др.).

Сквозным научным результатом можно считать доказательство того, что профессиональная метафора представляет собой лингвосемиотическую систему. Профессиональный дискурс, по мнению автора монографии, включает следующие семиотические зоны, в которых чётко объективируется антропный фактор: субъектную, зону лингвистической генерации и межсубъектную. Автором продемонстрировано, что лингвосемиотическая система профессиональной коммуникации представлена также экстралингвистическими знаками: жестами, интонацией, мимикой, сопровождающими речь, дресс-костюмами, поведенческими и этикетными стереотипами.

Профессиональная метафора позволяет субъекту «переструктурировать профессиональный континуум». Это эвристически ценная мысль, пронизывающая всю работу и имеющая отношение далеко не только к медицинской метафоре. Профессиональные знания нуждаются в динамизме, а термины эту динамику не обеспечивают, они статичны, и роль метафоры, получается, во взбалтывании всего профессионального континуума, обеспечивающем развитие профессиональных идей через объяснительные процедуры профессионального общения. Декодирование метафор осуществляется через фильтр темы-передатчика и темы-приёмника, и вновь образованная метафора обретает свою целостность благодаря этому двойному господству.

Как это ни странно, но библиографический список также может продемонстрировать... степень новизны исследования. В нашем случае в орбиту анализа втянуты такие публикации, в том числе последние Интернетовские, которые, скажем так, не совпадают с традиционным, «ожидаемым» перечнем используемой литературы. Проработкой таких, малоизвестных публикаций и экспериментальной проверкой идей, в них содержащихся, обеспечена высокая степень обоснованности ключевых заявок исследователя.

Что касается рекомендаций и замечаний, то коль скоро в центре внимания автора оказывается лингвосемиотический механизм возникновения профессиональной метафоры, то в несколько большем комментарии, на наш взгляд, нуждаются многообразные функции метафоры. Это не только эври-

стика и объяснение себе и коллеге, но и «чёрный юмор» («gasser», газовойщик – анестезиолог, *vegetable garden* – растительный сад – палата для пациентов, находящихся в коме), и самоирония, самоумаление (*в моей молодой гинекологической голове не укладывается*), и снятие профессионального напряжения, и артистическая компонента в речи сложившегося специалиста. Функциональные характеристики должны были бы или прозвучать более весомо, или оказаться сосредоточенными в одном месте под общим списком, тем более что «письменные» и «устные» метафоры функционально различаются. Интересно, в каком языке из трёх исследованных ярче проявила себя та или иная функция профессиональной метафоры: обучающая, успокаивающая, «чёрный юмор» etc.

В перечне полученных результатов в Заклучении проскочила мысль о том, что *«вопрос о природе такой особой познавательной формы, как метафора, – это вопрос не связанный с понятием «истинности», то есть возможностью того, что какие-то элементы метафорической репрезентации окружающего мира могут соответствовать действительности, а какие-то нет»* (с. 281). Справедливо ли это утверждение? Как человек, профессионально влюблённый в метафору, автор не может не согласиться, что метафорическое знание априори и апостериори не менее истинно, нежели «сухая теория». Не случайно были при трактовке полученных метафор были приглашены эксперты с не менее чем десятилетним стажем. Нуждается в уточнении также неприятие традиционной, упрощённой трактовки профессиональной метафоры: *«С учётом вышеизложенного необходимо подчеркнуть, что профессиональная метафора – «это не образное соединение профессионального тезауруса и естественного языка на основе сходства или подобия объектов, а модель, построенная с опорой на содержание знака (образца, традиции)»* (с. 52).

Подытоживая краткий анализ монографии О.С. Зубковой, ещё раз подчеркнём, что перед нами работа высокого уровня, содержащая пласты нового знания по части профессиональной метафоры и свидетельствующая о профессионализме самого автора как исследователя, блестяще продемонстрировавшего, как можно собирать, систематизировать и трактовать языковые факты «закрытых» дискурсов.

Литература

1. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII XIX веков. – М.: ОГИ, 2005. – 504 с.
2. Бурова Г.П., Лосева Т.В. Нравственные аспекты вербального лечения человека (взаимодействие религиозного и фармацевтического дискурсов) // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та, 2011, № 2. – С. 17-20.
3. Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике. – Курск: Курский гос. ун-т, 2011. – 334 с.
4. Зубкова О.С. Эволюция развития представлений о метафоре и метафоризации в истории науки. – Курск: Курский гос. ун-т, 2011. – 129 с.
5. Лебедева С.В., Зубкова О.С. Медицинская метафора в современном языке: Курск: Изд-во КГУ, 2006. – 129 с.